

Владилен Елеонский

Kleliae manuscriptum

Исповедь дочери патриция

EGO PUNGO TUOS INIMICOS

Владилен Елеонский

Kleliae manuscriptum.

Исповедь дочери патриция

«Издательские решения»

Елеонский В.

Kleliae manuscriptum. Исповедь дочери патриция /
В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833203-6

Римлянка, мстя за отца, раскрывает тайну Вейев, вейенты строят козни, соотечественники объявляют грешницей, любимый, кажется, предаёт, однако есть благодарные друзья.

ISBN 978-5-44-833203-6

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Рукопись Клелии	9
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Kleliae manuscriptum
Исповедь дочери патриция
Владилен Елеонский

© Владилен Елеонский, 2016

ISBN 978-5-4483-3203-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

*Взять Рим этрускам не придётся,
И враг победы не дожждётся,
Есть нить, которая не рвётся,
Не дарится, не продаётся.*

Владилен Елеонский, Клелия

К четвёртому веку до нашей эры безвозвратно канули в Лету времена героической Клелии, изумившей Великого царя Порсену, который пытался, но не сумел восстановить в Риме этрусскую династию.

Так я полагал до тех пор, пока вдруг совершенно неожиданно не обнаружил историю правнучки Клелии. Её также звали Клелией, и она, похоже, была не менее знаменита, чем её прабабка.

Правнучка составила рукопись, которую мне довелось случайно обнаружить в бездонных архивах Российской государственной библиотеки в тот самый момент, когда я совсем, было, отчаялся узнать что-то новое об истории возвышения Рима над этрусскими городами. Клелия повествовала о событиях, невольной участницей которых она стала в триста девяносто шестом году до н. э. Сама же рукопись датирована триста девяносто первым годом до н. э., то есть была написана спустя пять лет.

Древний манускрипт подробно рассказывает о том, как был взят этрусский город Вейи. В городе в то время правил удачливый узурпатор Ларс Волтумний, имевший много сомнительных друзей, которые, как видно, в своих корыстных целях поставили его царствовать, восстановив, по сути, монархию, хотя город Вейи в подражание другим городам-государствам Этрурии давно освоил республиканскую форму правления.

Видимо, почувствовав, насколько сладостны поцелуи, когда этрусская богиня удачи Портунас целует прямо в пупок, признав своим любимчиком, Ларс развил энергичную деятельность. Вооружёнными провокациями, коварным шантажом и смешными по своей надуманности, но довольно колкими обвинениями в адрес ближних и дальних соседей с опорой на население, очарованное подачками и магической харизмой новоявленного царя, он сумел в короткое время восстановить против себя не только Рим, но также многие этрусские города.

Лишь Капены и Фалерии сохраняли лояльность и поддерживали Ларса в его неоднозначных начинаниях. Взамен города получили льготные пошлины на товары, а также щедрые поставки разнообразного современного оружия, при помощи которого они беззастенчиво грабили скрытых и открытых врагов Ларса, первейшим из которых стал Рим, видимо, потому, что был расположен ближе всех.

Царь, как видно, получил от рождения натуру азартного игрока. Он обожал комбинации, которые не просто приносили золото, он впадал в настоящую эйфорию от хитроумных комбинаций, приводивших к тому, что золото лилось сплошным нескончаемым потоком. Ларс очень скоро распробовал вкус рискованной политической игры, которая в любой момент могла закончиться полным крахом, однако игроку удивительным образом постоянно везло, поэтому игра, естественно, продолжалась.

Ларс приобрел всё большее количество сторонников, поражённых его везением. Вместе с увеличивающимся количеством сторонников увеличивалось количество богатств. Ларс, кажется, становился самым состоятельным человеком во всей Италии. Он не брезговал наживать капитал при помощи спекуляций хлебом и солью, а также проведения скрытой, а иногда и открытой, конфискации имущества своих политических оппонентов.

Внешне он был не так уж и симпатичен, но его, кажется, искренне боготворили красивые девушки. Многие из красавиц добровольно становились любовницами, с удовольствием рожали от него внебрачных детей и получали в подарок всевозможные блага, а своей законной супруге царь давно дал развод.

Амбиции и самоуверенность правителя, вера в своё неизменное везение привели, в конце концов, к тому, что Рим решил положить конец одиозному режиму, ввергающему отношения между государствами в область провокационной мутной игры, и осадил Вейи.

Однако штурм Вейев с самого начала представлялся не только проблематичным, но и практически невыполнимым предприятием. Город был расположен на высоком холме с отвесными скалистыми склонами.

Такое расположение значительно облегчало организацию обороны. Казалось, что, помимо прочего, природный ландшафт стоял на страже и хранил неприступность Вейев.

Кроме того, Вейи были обнесены чрезвычайно прочными и необычайно толстыми каменными стенами. В отдельных местах они поднимались на высоту до ста футов, то есть имели высоту не менее, а в отдельных местах даже более тридцати метров. Вейентская крепость считалась неприступной, поэтому римляне, осадив Вейи, вначале сильно позабавили Ларса, свято уверовавшего в свою безнаказанность, а затем не менее сильно озадачили его своей упрямой настойчивостью.

Девять лет длилась осада, однако удача была на стороне Ларса. Рим никак не мог собрать необходимые силы для решительного штурма, а фалиски и капенцы, – союзники вейентов, – постоянно творили опустошительные набеги на римские земли.

Вейенты жили практически прежней жизнью. Никто из римлян точно не знал, где таится разгадка столь успешного противостояния.

Послы, отправленные к Дельфийскому оракулу, привезли римскому сенату следующий ответ: «Вода Альбанского озера хранит Вейи». Такое послание можно было толковать по-разному, чем римские сенаторы, собственно говоря, долгое время занимались, до хрипоты споря в курии под разъярённый рёв рассерженной толпы на Форуме.

Неожиданно произошло событие, сдвинувшее, наконец, всё с мёртвой точки. Если верить рукописи, именно Клелия, пройдя суровые испытания, узнала тайну Вейев. Затем каким-то чудом она смогла вернуться в Рим и сумела убедить римский сенат в том, что секрет, в самом деле, раскрыт, а убедить сенат было совсем непросто, если учесть, что даже зрелые мужи не всегда могли отстоять свою правду перед лицом чрезвычайно недоверчивых и подозрительных старцев.

Спор, как всегда, был долгим, однако, о, чудо, в итоге сенаторы всё-таки пришли к единому мнению, отдали необходимые распоряжения и, как видно, не пожалели. Город Вейи вскоре был взят усилиями талантливого полководца Марка Фурия Камилла, которого сенаторы как раз к этому моменту удачно назначили диктатором на шесть месяцев.

Завистники есть сейчас, будут, наверное, в будущем, были они и две тысячи четыреста двенадцать лет назад. С подачи неких влиятельных граждан римский сенат вдруг вместо благодарности обвинил Клелию в распутстве.

Следствие затянулось. Оно постепенно угасало, затем вдруг возобновлялось с новой силой, однако, в конце концов, унижительное обвинение, кажется, не подтвердилось.

Клелия счастливо вышла замуж за юношу-патриция, которого давно и искренне любила, однако Великий понтифик, – так называлась должность верховного римского жреца, – посоветовал ей составить рукописную исповедь в целях снятия всех недоразумений и окончательного прощения. Как следует из текста, Великий понтифик обещал сжечь рукопись после ознакомления с ней и проведения очистительного таинства.

Замечательная римлянка, удовлетворяя пожелание Великого понтифика, составила подробнейший манускрипт и назвала его «Confessio filiae patricii», что в переводе с латинского языка означает «Исповедь дочери патриция».

Однако, коль древний текст дошёл до нас, верховный жрец по каким-то причинам не выполнил обещание и не сжёг его, скорее всего, в связи с внезапно последовавшим нашествием галлов в триста девяностом году до н. э., которые, как известно, разрушили Рим до основания, не сумев добраться лишь до Капитолийского холма.

Возможно также, что Великий понтифик запрятал рукопись глубоко в архив, посчитав, что она имеет значение не только исповеди, но вполне может послужить в качестве великолепного настольного пособия по истории взятия Вейев.

Я перевёл манускрипт с латинского языка на русский, стараясь сохранить и по возможности восстановить смысл, поскольку во многих местах пергамент безнадёжно испорчен временем и сыростью.

Теперь я предлагаю уникальную рукопись вниманию заинтересованных читателей. Значком [...] обозначены места древнего манускрипта, в которых мне, к сожалению, не удалось распознать текст, значит, он всё ещё ждёт своих исследователей. Особенно сильно пострадала начальная часть рукописи и её середина, поэтому неслучайно общую канву событий я по мере сил отразил в предисловии.

Рукопись Клелии

*Юноши, ладно вы скроены,
Девушки ваши так стройны,
Воины, славные воины,
Войны, проклятые войны.*

*А тополя ладно скроены,
Словно в строю стоят воины,
Девушки – вдовушки вольны,
Войны, проклятые войны!*

Владилен Елеонский, Войны, проклятые войны!

CONFESSIO FILIAE PATRICII

KLELIAE MANUSCRIPTUM

[...] прошло пять лет, и кому снова взбрело в голову [...] никак не ожидала, что надуманные обвинения в распутстве будут вновь выдвинуты в отношении меня.

[...] однако Великий понтифик сказал, что игнорировать нельзя, необходимо ещё раз провести очистительные процедуры, чтобы снять все недоразумения и выбить, наконец, почву из-под ног тех, кто продолжает спекулировать на моей истории, наживая дивиденды [...] а совесть – пустой звук.

[...] этого недостаточно. Для душевного спасения требуется не устная, а рукописная исповедь [...] после очистительного обряда манускрипт будет сожжён.

– Сядь и напиши, что тебя волновало, что не волновало, что нравилось, что не нравилось, что хотела сделать, чего избегала, что получилось, что не получилось, каково твоё отношение к тому, что получилось на самом деле.

[...] потратила несколько месяцев, но, в самом деле, мне стало легче.

Я, наконец, не только просто взглянула на мир, но искренне поблагодарила его и испытала неподдельную радость от того, что он есть!

[...] всем, – если вам тревожно, а в жизни случаются, как вам кажется, одни неприятности, садитесь и пишите свою рукописную исповедь.

Она поможет вам осознать одну простую истину, суть которой в том, что вы никогда не бываете одни в этом мире, который, правда, иногда кажется таким больным, холодным и бессердечным. Вы не одни даже тогда, когда вам кажется, что рядом никого нет.

В действительности с вами рядом всегда есть ваш друг. Благодаря его незримому участию вы родились и живёте на этом свете, а ваша рукописная исповедь либо признание ему в любви, если вы поняли, что он есть, либо зывание к нему, если вы по каким-то причинам ещё не заметили его каждодневное незримое присутствие.

Надеюсь, что Великий понтифик, прочитав мой совет, не будет чем-то [...] тем более, что он обещал сжечь мою исповедь, поэтому мои советы вряд ли кому пригодятся. [...] написала, как есть то, что я знаю, к чему я сама пришла на основе своего опыта, поэтому не думаю, что [...] как-то так, наверное.

[...]

[...] в самом ли деле я уродилась такая красивая, однако то, что Марция и её одиннадцать товарок завидовали мне люто, было истинной правдой. Слух о моей красоте и привлекательности разнёсся по Риму подобно молнии Юпитера Всеблагого и Величайшего, и я не знала

точно, но чувствовала сердцем, что до добра [...] когда мужчины, оборачиваясь на ходу, глазают на тебя, как на породистую скаковую лошадь.

[...]

[...] зимний загон для овец. Оказалось, что я лежу на ворохе сена, а мои спутавшиеся волосы и до крайности измятая туника щедро усыпаны сухими травинками.

Я смотрела на каменные стены и деревянную решётку загона и никак не могла понять, каким образом я здесь очутилась. Мысли путались в голове. С трудом, но всё же я вспомнила, что [...].

Священная змея не стала пить молоко из моего блюдечка. Великий понтифик возбудил дело о моём изгнании из родовой общины патрициев, а Марция и другие девочки-патрицианки, успешно прошедшие в тот день инициацию, решили устроить мне экзекуцию.

Они, дурочки, решили, что я допустила незаконное познание своей плоти мужчиной. Моё заявление о том, что Священная змея ошиблась, вызвало у них звериную ярость. После таких дерзких, как им показалось, слов, они, как видно, решили, что теперь им в отношении меня всё позволено.

[...] сухой сук, и отбивалась им до тех пор, пока дуры скоро не выдохлись. Они, кажется, поняли, что я никому не позволю называть себя потаскухой! Девчонки отступили, но было видно, что в их лице я отныне заимела смертельных врагов.

Чуть позже я призналась Великому понтифику, что целовалась с мужчиной по его настоятельной просьбе. Мужчина как будто околдовал меня, и я не смогла ему отказать, однако, кроме затяжного поцелуя, больше ничего у нас с ним не было.

Узнав имя мужчины, Великий понтифик нахмурился. Аппий Корнелий Амбидекстр! Он знал его лично.

Огромный стройный великан с белым лицом, чёрными, как смоль волосами и пронзительными глазами-маслинами служил ликтором в храме богини Весты и был на хорошем счету. Тем не менее, Великий понтифик снял его с должности ликтора и отправил в действующую армию под стены Вейев.

Теперь я должна была каждую неделю приходить к Великому понтифику на исповедь. Мне было предписано есть только сухой хлеб, пить одну лишь родниковую воду и целыми днями молиться богине Весте, не выходя из своего имения.

Вдруг в один из таких унылых дней я увидела сон. Священная змея подняла треугольную чёрную голову и внимательно посмотрела на меня своими тёмными глазами-бусинками, они таинственно поблёскивали в свете Священного очага богини Весты.

– Клелия, я всё же выпью молоко из твоего блюдечка, но только при одном условии, – ты сделаешь то, что я попрошу.

– Как, ты умеешь разговаривать?

– В мире снов змеи иногда разговаривают, только миры снов бывают разные. Есть сны – пустые призраки, а есть пограничные сны – послания истинной мудрости. Я избрала тебя для ответственной миссии, потому что вижу твою светлую и доверчивую душу.

– Какая миссия, дорогая змея?

– Узнаешь, но вначале будут испытания, однако ничего не бойся, слушай меня внимательно...

Я пробудилась от страха, не дослушав змею, и затем долго размышляла по поводу странного сна. Сердце как-то по-особенному билось в груди, когда я вспоминала змею и её слова.

Однако день тянулся за днём, но ничего такого особенного не происходило, и я решила, что сон – плод моей воспалённой фантазии. Видимо, я слишком переживаю из-за не состоявшейся инициации, и схожу с ума от голодного пайка, на который села по милости верховного жреца. Такие были у меня мысли, и я честно пишу об этом.

Помимо всего прочего, Великий понтифик вёл со мной долгие задушевные беседы. В конце концов, я призналась ему, что тяга к Аппию была всего лишь наваждением, а на самом деле я люблю совсем другого мужчину.

Он – юноша, его зовут Марк Гораций. Он недавно влился в ряды всадников, но скоро отличился в стычке с капенцами, союзниками вейентов.

[...] лошадь под ним пала, но он продолжил бой пешим. Марк так мастерски сбивал врагов наземь подсечкой, что сразу же получил прозвище Тремор – Трепет.

Ему дали кратковременный отпуск. Он, приехав в гости, хвалился передо мной мощным трофейным луком и трофейными стрелами с красно-белым оперением, на древке которых была старательно вырезана надпись «Так желает Лефам».

Марк давно меня не видел и, как видно, был очень рад побыть со мной лишнюю четверть часа. Он что-то увлечённо рассказывал, но я плохо слушала его. Какие-то обрывки фраз долетали до моих ушей.

Кажется, он говорил, что решил испробовать лук на охоте, но вместо уток встретил в Дубовой роще каких-то странных типов, одетых так, словно они были мясниками с Бычьего рынка, однако в руках у них были внушительные дубины, а поверх засаленных туник они натянули новенькие кожаные тужурки римских сапёров. Странные типы, кажется, хотели ограбить его, но он как-то сумел отбиться от них, и они не смогли отобрать у него трофейный лук и стрелы.

Я плохо слушала, потому что меня тяготила вина перед Марком. Если бы я не целовалась так безрассудно с Аппием, то, конечно, прошла бы инициацию, всё было бы хорошо, а сейчас я никого не желала видеть и слышать. Я ругала себя за такое поведение, но ничего не могла с собой поделать.

Марк говорил какие-то глупости, просил показать призовой футляр с подарочными охотничьими ножами и трофейным этрусским кинжалом, которые мой отец получил как победитель на играх в Альба Лонге, посвящённых памяти нашего замечательного потомка – царя Энея.

Марк никак не мог понять, что мне сейчас не до ножей и не до футляра! Я вообще плохо соображала, и меня решительно всё бесило.

Наконец, Марк, кажется, почувствовал моё настроение. Он резко встал и, не сказав ни слова, удалился, а я горько разрыдалась.

Почему я такая дура? Красота только портит меня!

В сердцах я вскочила с лавки, на которой мы только что сидели вместе, а теперь я сидела на ней одна, схватила метлу и стала рьяно подметать обеденную комнату. Я хотела как-то успокоиться!

Внезапно раздалось глухое шуршание. Метла выхватила из-под лавки какой-то увесистый предмет. Я нагнулась и подняла его с каменного пола.

В руках у меня была вогнутая бронзовая пластинка. Таких пластинок в нашем доме, кажется, никогда не было.

Моя бывшая няня, а теперь служанка Терция, морщинистая сухая женщина в годах, у которой я спросила, не знает ли она, откуда в нашей обеденной комнате под лавкой появилась странная пластинка, лишь рассеянно пожала в ответ плечами.

– Я подмела комнату сегодня утром, деточка. Так что под лавкой не должно быть даже пылинки. Скорее всего, твой ухажёр выронил её из кармана. Ах, почему ты у меня такая бледная? Ляг на кушетку, я буду поить тебя настоем из трав.

Не знаю сама почему, я сунула пластинку в потайной карман своей туники. Наверное, я хотела иметь при себе что-то такое, что постоянно напоминало бы мне о Марке. Он снова отправился под стены Вейев, а там было очень опасно. Я смотрела на пластинку и разговари-

вала с ней так, как будто она была магическим талисманом и одновременно способом общения с Марком.

– Ах, ворона, кар-кар-кар, но в руках – бесценный дар, медную держу пластину, Марка не возьмёт тряси́на.

Великий понтифик продолжал свои душевные беседы. Я поклялась ему, что не утратила девственность, но верховный жрец, кажется, не поверил.

Он мог назначить телесный осмотр и быстро разрешить все вопросы, которые Священная змея задала своим странным поведением. Бабки знали, как и куда следует заглядывать, но Великий понтифик почему-то медлил, а вскоре из-под Вейев привезли тело моего убитого отца.

[...] гибель моего дорогого папы и то, что я не прошла инициацию. Дурное предзнаменование для рода!

Всё стало, как во сне. Мама не пережила горя и скончалась через две недели.

Великий понтифик, скорее всего, пожалел меня. В тот момент я могла просто не пережить унижительное следствие и тягостный осмотр.

Правда, сейчас, когда я пишу эти воспоминания, мне приходит в голову другая мысль. Скорее всего, Великий понтифик изначально был уверен в моей невинности и желал как-то замять дело. Он лишь искал повод, но повод, как нарочно, всё никак не находился.

В конце концов, осмотр был назначен по настоянию коллегии жрецов, но провести его не успели. С Римом приключилась настоящая беда [...].

[...] Марция и одиннадцать её подруг из самых знатных римских родов возносили благодарственные молитвы и приносили дары Юноне на поляне в Дубовой роще, но были похищены. Поползли слухи, что их похитили агенты Ларса, однако достоверной информации не было, и поэтому [...].

[...]

[...] вдруг вспомнила [...] хирург, который делал операцию моему отцу, был греком. Он вынул стрелу, которая пробила отцу позвоночник, и пытался что-то сделать, но тщетно. Отец скончался.

Единственное, что могло помочь мне, была стрела. Перед тем, как сломать её грек спросил меня, не хочу ли я взять её себе.

Я никогда не взяла бы вражескую стрелу, убившую моего отца, но вдруг я увидела, что она имеет красно-белое оперение, а на её древке старательно вырезаны слова «Так желает Лефам».

Я похолодела от ужаса. Точно такие же стрелы я видела у Марка.

[...] и не знала, что думать! Неужели Марк Гораций, замечательный юноша, человек, которого я любила так, как только может любить невинная девушка [...]

Я не могла поверить в то, что мой Марк – подлый убийца, однако прибыл римский квестор, который вёл дело о дезертирах. В процессе допроса я узнала кое-какие подробности, которые ударили меня, кажется, так же, как стрела ударила в спину моего милого отца.

[...] мало того, что бежали с поля боя под ударами капенцев, они к тому же взбаламутили римский лагерь под Вейями. Дезертиры сообщили, что якобы всё римское войско разгромлено, капенцы всей массой двинулись на Рим, и беззащитный город теперь ничто не спасёт.

Римские солдаты едва не бросили осаду Вейев. Кажется, одно лишь мужество моего отца и некоторых других воинов спасло положение. Именно тогда мой отец был убит в спину.

Римский квестор забрал у меня стрелу, а чуть позже я узнала, что Марк Гораций Тремор арестован. Показания против него в суде дал Аппий Корнелий Амбидекстр. Оказывается, Аппий видел, как отец поскакал, чтобы остановить дезертиров, ринувшихся в Рим, а Марк скакал в некотором отдалении за его спиной.

Суду оказалось достаточно таких доказательств, поскольку главное доказательство – орудие убийства – свидетельствовало против Марка. Его приговорили к смертной казни.

Узнав страшную новость, я, не веря в трусость и подлость Марка, ринулась в лагерь под Вейями. Для того, чтобы добраться туда, мне надо было пройти Дубовую рощу, преодолеть вброд не только ручей Тибрунус, впадавший в Тибр, но также сам Тибр, который в том месте широк, но совсем неглубок.

Я миновала Дубовую рощу, вышла на берег Тибрунуса и к своему изумлению увидела на противоположном высоком скалистом берегу приземистый одинокий дуб, однако вовсе не он поразил меня. В стволе дуба торчала характерная длинная, размером почти с дротик, этрусская стрела, однако она была с красно-белым оперением. Обычное оперение этрусских стрел – чёрные и белые перья, поэтому необычная расцветка сразу бросилась в глаза.

Я стояла и не знала, что делать. В лагере под Вейями томился в ожидании казни мой любимый, и я была уверена, что, если успею вовремя, то смогу спасти его, найти те самые убедительные слова, которые смогут повлиять на судей и, по крайней мере, позволят отложить казнь для проведения более тщательного расследования.

С другой стороны, я видела стрелу, вонзившуюся в ствол дуба. У меня заняло под ложечкой. А не связана ли эта стрела каким-то образом с гибелью моего отца? Вдруг на её древке вырезана та же самая надпись: «Так желает Лефам». Может быть, в стреле, торчащей сейчас в дубе, таится не только разгадка тайны подлого убийства, но также заключено спасение Марка от незаслуженного позора и смерти?

Я не успела ничего придумать, поскольку на меня неожиданно напали бандиты. Они подступили сзади, были все какие-то коричневые, их одеяние напоминало одежды мясников с Бычьего рынка, однако поверх них были зачем-то наброшены тужурки римских пехотинцев.

Среди головорезов выделялись двое. Один был огромным и бугристым, как скала, вооружённая грозными кулаками-кувалдами, а второй – тощим, юрким, кривоногим, плешивым и с мелко трясущейся козлиной бородкой. Своим видом он словно пародировал лесного бога Пана и глумился над ним.

Человек-скала, бандиты называли его Бригадиром, грубо схватил меня за руку и без разговоров увлёк за собой в заросли тростника. Сзади одобрительно засвистели его сообщники.

Бригадир завёл меня в заросли, рванул тунику на моей груди, надвое разорвав её, и навалился на меня. Он был похож на сопящего вепря, который ищет жёлуди в пахучей молодой листве своим влажным от страсти пятком.

Я была вне себя от ужаса, но ничего не могла сделать. Вдруг Бригадир тонко вскрикнул и жалко отвалился в сторону.

Я вскочила, придерживая разодранную тунику на груди. Бригадир распластался на земле с разодранным горлом, над ним стояла собака с окровавленной мордой.

Я вдруг узнала в собаке любимую гончую отца по кличке Белый. Огромный пёс с массивным складчатым подгрудком и толстым хвостом, напоминавшим короткую дубину, в самом деле, был белым, как снег.

С его клыков на прибрежную траву капала тёмная бандитская кровь. Белый спас меня! Я до сих пор не знаю, каким образом он почуял, что мне угрожала смертельная опасность. По всей видимости, он кинулся из имения за мной по следу.

Сзади раздались испуганные вопли, бандитский дротик вдруг с размаха вонзился псу в холку, и Белый упал. Из зарослей выскочили бандиты во главе с Плешивым.

Они увидели вблизи растерзанное тело своего бригадира и впали в бешеное неистовство. Наверное, в следующий миг негодяи просто растерзали бы меня, однако спасло то, что я умела плавать, а они – нет.

Я смело бросилась в воду, а они, ругаясь, кинулись к лошадям, которых оставили где-то на краю Дубовой рощи. Без труда я переплыла широкий ручей.

Между прочим, отец научил меня не только плавать. Я могла долго находиться под водой и умела изображать утопленницу, я точно кидала стрелы и дротики на приличное расстояние и умела биться врукопашную, если противников было не слишком много.

Мой дорогой отец, не имея сына, научил меня многим премудростям воинского искусства. Мало кто знает, например, как можно обыкновенной расчёской или пилкой для ногтей свалить быка. Я тоже не знала бы, если бы [...]

[...] на противоположный берег ручья, однако я знала, что дальше за ручьём начинаются непроходимые заросли терновника, поэтому вместо того, чтобы выбраться на сушу, поплыла дальше, прикрываясь свисавшими до самой воды ветвями плакучих ив.

Ручей делал крутой изгиб вправо, и я вылезла на берег у канализационного стока. Здесь рос старый корявый приземистый дуб. Далее на несколько десятков шагов простирались всё те же заросли терновника, а за ними возвышалась та самая скала, на которой рос тот самый дуб, в стволе которого торчала та самая странная стрела, до которой ещё четверть часа назад я хотела добраться. Однако теперь мне было не до стрелы. Лишь одна мысль терзала моё сознание, – как бы надёжнее спрятаться от кровожадных бандитов.

Вдруг у меня мелькнула мысль спрятаться в канализационной трубе, но отвращение к запаху фекалий, кажется, было сильнее отвращения к бандитам, и я в отчаянии упала к корням дуба, словно прося у него защиты. В следующий миг я почувствовала такую невероятную усталость, что, кажется, на какое-то время провалилась в сон, а когда открыла глаза, лёжа на спине, вдруг заметила то, что не заметила сразу, – верхние ветви дуба были очень длинные, и они уходили за край обрыва.

Поднявшись по стволу, я увидела, что ветви дуба нависли над краем лужайки, которая уходила в противоположную от зарослей терновника сторону. Лужайка была щедро усыпана полевыми цветами, а за ней в нескольких сотнях шагов кудрявилась спасительная оливковая роща, в ней можно было затеряться.

Мне вполне хватило нескольких мгновений, чтобы пробраться по ветвям дуба, спрыгнуть на лужайку и кинуться бежать к оливковой роще, однако, как вскоре оказалось, до неё было не так-то легко добраться.

Я, конечно же, не успела бы добежать до спасительных оливковых деревьев, стоявших стройными рядами, словно защитники-воины в строю, потому что бандиты вскочили на лошадей, переправились через ручей, заметили меня и, пустив коней в галоп, кинулись за мной в погоню.

Страшные преследователи приближались, я бежала, что было сил, но расстояние между нами неумолимо сокращалось. Не знаю, что бы случилось очень скоро, если бы не мой неожиданный спаситель.

Он, как будто спустился с небес. Славный юноша мчался верхом на белом скакуне. Он подхватил меня, перебросил через седло лицом вниз и поскакал в оливковую рощу.

Напрасно преследователи рвали жилы своим лошадям. Мы оказались в густой оливковой роще значительно быстрее и затерялись среди благородных раскидистых тысячелетних деревьев. Теперь-то я понимаю причину столь неожиданного спасения, но тогда оно показалось настоящим чудом, и я не знала [...].

[...] строен, подвижен, даже, можно сказать, изящен, причём настолько, что тонкий шрам на щеке несколько не портил его внешность. Юношу звали Юлом Счастливым.

Он был актёром в имении сенатора Квинта Квинкция Суругого. Узнав, что меня преследуют бандиты и услышав, как они злорадно кричат, угрожая мне ужасной казнью, громогласно называя адрес моего имения, он предложил мне спрятаться пока в имении Квинта Суругого, и я согласилась.

[...] теперь я вспомнила, как очутилась в этом пустом зимнем загоне для овец, а вскоре судьба свела меня с хозяином имения, – видным зрелым мужчиной по прозвищу Суругый.

[...] оказался человеком со странностями. Например, он мог, раздевшись догола, стоять на постаменте, словно [...]

[...]

[...] лишь одни голубиные яйца и больше ничего. Такая диета, по мнению греческого врача, гарантировала сенатору долгую и здоровую жизнь.

Ещё одной странностью была вызывающая оторопь жестокая игра сенатора с рабом-подростком по прозвищу Нос. У смышлёного худого паренька, в самом деле, был примечательный, размером с большой грецкий орех, прыщавый нос и совал он его, куда только мог. Нос следил за всем, что происходит в имении, кто с кем ест, и кто с кем спит, а сенатор следил за Носом.

Игра состояла в том, что Носу следовало узнавать обо всем, что творится в имении, но так, чтобы сенатор не заметил, как Нос подсматривает. Если сенатор всё-таки подлавливал Носа, он с особым упоением лупил его розгами, принуждая не плакать, а смеяться. Я не поверила бы, если бы сама не стала свидетельницей того, как сенатор застал Носа [...]

Нос, конечно, заметил, что новый актёр сенатора Юл Счастливчик тайно привёз меня в имение и спрятал в зимнем загоне для овец, но, как видно, я так ему понравилась, что он не стал докладывать обо мне сенатору. Поначалу я не понимала, какое наказание ждёт Носа, если сенатор вдруг обнаружит его обман, а когда узнала, ужаснулась.

Сенатор избил Носа палкой до полусмерти, и тот неделю после этого валялся без чувств, а меня сенатор запер в подzemелье, где нестерпимо пахло канализацией. Единственным, кто среди нас троих избежал экзекуции, был Юл Счастливчик.

Не знаю, наверное, Юл упросил сенатора переговорить со мной, и наша беседа состоялась, но прежде, чем она состоялась, дней десять, наверное, мне пришлось томиться в холодной подземной камере, дыша смрадными испарениями, поднимавшимися из огромного зева канализационного колодца, оно почему-то, возможно, специально, не было прикрыто крышкой.

Глаза сенатора хищно зажглись, когда он увидел меня в перистиле при свете дня. Он окинул взглядом мою фигуру и всю меня так жадно, словно увидел нечто для себя жизненно необходимое – великолепное голубиное яйцо или что-то в таком роде.

Моя история, кажется, немного тронула его, хотя вряд ли что могло всерьёз тронуть такое чрезвычайно холодное и эгоистичное сердце. После того, как я окончила своё повествование, сенатор вскользь заметил, что этрусские стрелы с красно-белым оперением – большая редкость, а надпись на древке этрусски обычно не делают. Лефам – этрусский бог, который покровительствует господам против восставших рабов, но почему он упоминается в надписи, – объяснить сложно.

Сенатор ел меня глазами довольно долго, затем вдруг смягчился.

– Поживи у меня, детка. Глядишь, всё образуется!

Взгляд сенатора не предвещал мне ничего хорошего, но деваться было некуда. Я осталась жить у сенатора. Прежде всего, я поблагодарила быстроногого белого жеребца, его звали Альбинус, ноги и сноровка которого спасли меня от бандитов. Юл, конечно, тоже участвовал в моём спасении, но он смотрел на меня совсем не так, как Альбинус, поэтому поблагодарить Альбинуса мне было, кажется, гораздо приятней. Я стала подозревать, что Юла в день моего чудесного спасения привлекла вовсе не я сама, как можно было бы подумать, а моя обнажённая грудь, проступавшая тогда сквозь разорванную Бригадиром тунику.

По моей просьбе Нос, которого я подняла на ноги, зная рецепт моей няни Терции, прошёл по окрестностям и собрал целую корзину плодов Цератонии. Её большие тёмно-коричневые стручки лошади просто обожают.

Альбинусу очень понравилось, он ласково трогал моё ухо своими бархатными губами, словно целовал, и требовал ещё. Я, конечно, собрала бы и снова дала ему лакомство, однако в имении начались неприятности.

Удивительно, но сенатор, в самом деле, проявил участие в моей судьбе, он очень быстро навёл все необходимые справки.

– Дезертиры казнены по приговору сената и инициативе Камилла, Клелия.

– О, боги!

– Однако не спеши рвать на себе волосы. Твоего Марка нет в списке казнённых лиц!

– Как такое может быть?

– Поговаривают, что он сбежал, и его ищут, однако пока безрезультатно.

Как я ни пыталась сенатора, больше ничего от него не добились. Похоже, что он, в самом деле, сказал лишь то, что знал. По крайней мере, у меня оставалась слабая надежда на то, что мой дорогой Марк жив!

По отношению ко мне сенатор вёл себя хорошо, я не заметила никаких странностей. Зато пышная повариха Сильвия бесновалась и третировала Носа, который к тому моменту окончательно поднялся на ноги после жестокой экзекуции, которую ему устроил сенатор.

Кое-кто из слуг шепнул мне причину бешенства поварихи. Оказывается, после кончины своей жены сенатор довольно долго сожительствовал с Сильвией, и от этой связи родилась Глория, к которой сенатор воспылал какой-то странной [...]

[...] даже рассматривал сенат, и сенатор клятвенно заверил, что ничего предосудительного в его эстетическом влечении к Глории нет, он любит её так, как скульптор любит свою удачно вылепленную скульптуру.

В конце концов, сенаторы поверили своему собрату и прекратили дело. Если бы они знали, что сравнение Глории со скульптурой вовсе не было данью красному словцу!

В зимнем саду сенатора бил мраморный фонтан. Юная камена, больше похожая на девочку-подростка, нежели на взрослую девушку, была искусно вылеплена из гипса.

Она стояла на краю огромной чаши и держала в руках кувшин, из которого, повинаясь напору и весело журча, лилась колодезная вода. Её накачивали в резервуар, оборудованный на крыше имения при помощи хитроумного этрусского приспособления, которое приводили в действие два ослика, – целыми днями они бродили вокруг столба по кругу и вращали огромное деревянное колесо насоса.

Как-то раз служанки шепнули мне, что камена вовсе не скульптурная.

– А какая, настоящая? – не подозревая ничего ужасного, с иронией сказала я.

Шутку не восприняли. Оказалось, что в роли камены стоит щедро обсыпанная мелом обнажённая Глория. Кувшин намертво закреплён на своём месте, Глории остаётся лишь поддерживать его руками, но от этого вряд ли девочке легче.

Её ноги стянуты кандалами, а кандалы вбиты в мрамор фонтана. Лишь ночью кандалы растёгивали и позволяли девочке сойти с пьедестала, чтобы напиться, перекусить и немного передохнуть, однако задолго до восхода солнца Глория обязана была вновь застыть на своём жутком посту. Сенатор, как правило, плохо спал и поднимался с постели очень рано, а первое, что он делал, поднявшись с постели, было омовение в фонтане.

В случае послушания сенатор обещал замуровать Глорию заживо в камни фонтана. Слуги хорошо знали, что обещания, касавшиеся наказания виновных домочадцев, сенатор всегда выполнял неизменно и в точности.

Сильвия не находила себе места, срывала злобу на Носе, но сенатору было всё равно. Повариха боялась даже заикнуться о Глории, она знала, что сенатор сделает всё наоборот, в таком случае судьба дочери может оказаться гораздо более ужасной.

Пока же, хвала богам, Сильвия могла по ночам кормить Глорию вкусными объедками с господского стола, благо, что к сенатору почти каждый день приезжали именитые гости, и, плача, гладить несчастную дочь по свалявшимся волосам, густо обсыпанным мелом.

Мне было жалко Сильвию, однако просто так наблюдать за тем, как она со зверским упоением таскала Носа за волосы, я не могла. Став в очередной раз свидетелем кошмарной сцены, я потребовала от Сильвии, чтобы она прекратила издеваться над парнем.

Реакция повара была совершенно непредсказуемой. Сильвия злобно швырнула грязное полотенце в чан с варевом.

– Ты, как видно, хочешь много на себя взять. Что ж, бери. Готовь обед сама!

Я приложила мокрую тряпку к уху Носа, которое превратилось в лиловую лепёшку после экзекуции, которую ему устроила Сильвия за то, что он вместо того, чтобы просто аккуратно разрезать плоды инжира пополам, незаметно съел большую часть вторых половинок.

– А кому надо приготовить обед, Нос?

– Обед предназначается для слуг и рабов нашего имени, о, моя богиня.

– Ни в коем случае не называй меня богиней!

– Хорошо, моя богиня!

Спорить с Носом было, как видно, бессмысленно. Хорошо, – богиня, так богиня.

Я живо осмотрела чашки и чаны. Намечался праздник живота – кабанье мясо в разных видах, запеченные кролики и голуби, форель в соусе, разнообразные тушёные овощи и салаты, а на десерт, как я почти мгновенно сообразила, готовился сладкий пирог с яблочной пастой.

Сомнительно было, чтобы такое великолепие предназначалось для рабов и слуг. Скорее всего, Нос что-то напутал!

В ответ на мои недоверчивые реплики раб открыл ещё одну странность уважаемого сенатора. Никто не знал, почему и с какой стати, но Квинт любил периодически играть роль презренного и униженного раба, на него находило нечто, как волна, и он требовал, чтобы его безжалостно колотили за малейшую неточность и промедление. Роль господ по настоянию сенатора, игнорировать которое было, понятное дело, просто невозможно, играли слуги и рабы.

Для таких восхитительных по своему безудержному веселью вечеров сенатор заказывал шикарный обед. Стол ломился от блюд, сенатор лично прислуживал, наливая вино, подавая кушанья и утирая слюни полотенцем с влажных губ своих ненаглядных домочадцев, ставших пусть на один вечер, но господами.

– Теперь всё пропало, Клелия! Обед сорван. Сильвия знает, что делает, она обвинит тебя в срыве подготовки блюд, и тогда нам с тобой точно не поздоровится. Зря ты заступилась за меня. Пусть бы она продолжала таскать меня за уши и бить по рёбрам, сколько ей вздумается. Я привык, и мне совсем не больно. Правда!

Я мысленно поблагодарила свою няню Терцию, которая с раннего детства, едва я научилась ходить, привила мне кое-какие полезные навыки. Придётся поднапрячься! Я, кажется, была готова к тому, чтобы приготовить [...].

[...]

[...] что обед приготовила Сильвия, но когда Сильвия сообщила, что праздничный обед приготовила я, сенатор просто опешил. Я не участвовала в празднике и скромно сидела в своей каморке, куда меня определили на жительство.

Квинт лично явился за мной. Сенатор продолжал играть роль раба. Низко поклонившись в пояс, он очень проникновенно пригласил меня к столу, неожиданно найдя поразительно тёплые слова.

Я сочла возможным поставить условие.

– Если ты освободишь Глорию, никогда не будешь больше заставлять её играть роль скульптурной камены, попросишь у девочки прощения и усадишь на самое почётное место за сегодняшним столом, тогда, может быть, я приму твоё приглашение.

Сенатор поклялся мне, что всё исполнит. Я вышла и села за стол.

Какова же была радость домочадцев, когда они увидели, что несчастная Глория вдруг присоединилась к праздничному застолью. Сенатор был так настойчив и поспешен, что даже не позволил ей смыть с себя мел. Глория, словно скульптурная камена, сидела и улыбалась за великолепным столом на радость всем рабам и особенно, конечно, Сильвии.

– Торжественно обещаю, что отныне Глория будет изучать грамоту и помогать нашей великолепной Сильвии на кухне. Ура, господа мои!

– Ура, презренный раб Квинт Су ровый, ура!

Пока домочадцы сметали всё, что стояло перед ними, шумно хрустя кабаньими хрящами и захлёбываясь добрым вином, Квинт пригласил Юла и ещё одного актёра на каменную площадку, специально оставленную свободной прямо перед столом. В руках они сжимали мечи, а перехваченные у пояса туники были развязаны на груди и спущены с плеч так, что щедро намазанные оливковым маслом торсы актёров сделались обнажёнными.

Все участники застолья могли наслаждаться представлением. Оно разворачивалось перед ними на расстоянии едва ли не вытянутой руки.

Сенатор вытер взмокший лоб полотенцем, которое продолжало висеть у него на плече.

– Сенат римский не похвалит меня за то, что я устраиваю гладиаторские бои для потехи, нарушая обычаи наших предков, допускавших лишь ритуальные поединки в честь поминовения павших воинов. Если сенат узнает, меня с лёгкой руки завистников и болванов, коих в сенате становится всё больше, обвинят в том, что я следую моде презренных этрусков. Что ж, мне глубоко наплевать на потуги медноголовых баранов, с недавних пор так рьяно оккупировавших курию! Уверен, что дефицита баранины никогда не будет в нашем благословенном Риме.

– Зачем же ты устраиваешь бои на потеху? – громко сказала я, нахмутив брови.

– О, девочка! Я просто люблю, когда люди красиво дерутся и иногда красиво умирают. Так я прививаю зрителям вкус к настоящей, а не фальшивой красоте искусства.

С этими словами Квинт громко хлопнул в ладоши. Бой с первых же мгновений продемонстрировал всю жестокость вооружённого столкновения, никакой красоты искусства я в нём не увидела.

Не прошло и нескольких мгновений, как изящный короткий меч Юла погрузился в бок его некрасивого, сутулого, узловатого и низкого, как ствол виноградного куста, соперника, однако поединок не прекратился.

Раненый отчаянно сопротивлялся. Юл, конечно, добил бы его, если бы не я. Нет, смотреть на это безобразие было выше моих сил!

Вскочив на стол, я крикнула: «Прекратите!», но бойцы вошли в раж и, похоже, не слышали меня. Тогда я спрыгнула со стола и остановила руку Юла с мечом в тот самый момент, когда он занес её для решающего удара в грудь противника, – в то место, которое отчаянно пульсировало чуть выше ключицы.

Юл впал в такую дикую злобу, что сделалось страшно, однако я взяла его руку на излом так, как в детстве учил отец. Меч актёра со звоном упал на каменный пол.

Юл рухнул на колени. Ему не оставалось ничего иного, как попросить меня отпустить руку.

Сенатор хохотал до слёз. Юл увёл раненого, а сенатор подошёл ко мне.

– Ты испортила мне праздник, Клелия!

– Все нет! Давай устроим соревнование, – будем кидать дротики в цель или стрелять по мишени из лука.

– Сегодня я добрый. Будь по-твоему! Однако советую тебе всё-таки быть осторожной. Завтра за подобную дерзость, если у меня будет плохое настроение, я сгною тебя в подzemелье. Эй, Нос, хватит набивать брюхо, тащи сюда дротики или лук со стрелами, в общем, что найдёшь!

– Слушаюсь и повинуюсь твоим приказам, презренный раб Квинт Суровый!

Ответ захмелевшего Носа рассмешил всю честную компанию, развалившуюся за столом. Рабы продолжали чувствовать себя господами. Они так дружно захрюкали от смеха, что, казалось, домочадцы, наевшись от души парного кабаньего мяса, сами превратились в кабанов.

Каково же было удивление сенатора, когда Нос притащил великолепный этрусский лук и чехол, украшенные алыми этрусскими узорами. В чехле теснились крепкие, довольно толстые и очень длинные стрелы с красно-белым оперением.

Сенатор, мгновенно насупившись, вынул из чехла одну стрелу, медленно, словно не веря, поднёс её к глазам и прочитал вслух надпись, вырезанную огромными латинскими буквами на древке:

– «Так желает Лефам».

Квинт повернулся ко мне и воззрился на меня своим знаменитым суровым взглядом, от которого цепенели даже его медноголовые противники в сенате.

– От кого-то я, кажется, слышал о этих странных стрелах.

– Сенатор, это те самые стрелы! Помнишь, я говорила тебе.

– Помню, девочка. Эй, проклятый Нос, где ты достал эти стрелы? Ты знаешь, дуралей, что одной из таких стрел был убит уважаемый человек Гней Клелий Воин, отец нашей Клелии?

Оказалось, что Нос нашёл чехол со стрелами в каморке Юла. Якобы они давно появились у него, но он почему-то не брал их на охоту и прятал в деревянном ящичке под кроватью.

Сенатор приказал найти Юла, но он, как сквозь землю провалился. Альбинус также исчез из своего загона. Квинт приказал догнать дерзкого актёра.

Стремительная погоня увенчалась успехом. Юла перехватили на берегу Тибрунуса и, привязав к лошади, притащили за ноги в имение. В ужасающих лохмотьях, весь в царапинах и ссадинах, он выглядел ужасно.

Сенатор подошёл к нему и сделал такое, что я закрыла лицо руками. Квинт вынул [...] невыносимо [...] я разрыдалась от той жестокости, которую так легко и просто продемонстрировал Квинт.

[...]

[...] сделал вывод, что я его сообщница. Сенатор не нашёл ничего лучше, кроме того, чтобы обвинить меня в интимной связи с Юлом, предательстве своего отца, Рима и всего того, что только можно предать.

Он привязал меня и Юла к толстому столбу у конюшни, к которому обычно привязывали лошадей, когда гоняли их по кругу, чтобы проверить надёжность снаряжения и отточить навыки верховой езды.

Мы стояли на коленях, прижавшись к шершавому столбу спинами. Наши ноги соприкасались лодыжками, а руки, стянутые у локтей, были заведены назад, причём так, что предплечья Юла покоились у меня на плечах, а мои – на плечах Юла.

Так мы простояли всю ночь, изнемогая от чрезвычайно неудобной позы. Я молчала, а Юл тихо выл, как шакал. Разговаривать мы не могли, наши рты были плотно заткнуты вонючими тряпками, от запаха которых я, кажется, страдала больше, чем от неудобной позы и затёкших конечностей.

Рано утром сенатор начал допрос.

– Если вы, любезные мои, скажете мне правду, я не буду доводить ваше дело до суда, там вас, скорее всего, ожидает смертный приговор, разбираться долго не будут, – спустят кожу и отрубят голову. Лучше я накажу вас своей властью сенатора, будете у меня, сладкая парочка, вместо ослов качать воду, я отходчивый, глядишь, может, через время всё прощу. В любом случае я посмотрю, как вы себя сейчас поведёте. Говори, Юл! Откуда у тебя трофейные этрусские стрелы, одной из которой убит римский гражданин?

Юл молчал, как рыба. Видимо, от нескончаемого ночного вытья утром ему изменил голос.

Тогда сенатор взял в руки этрусские лук и стрелы, которые Нос так неожиданно обнаружил в вещах Юла. Квинт оказался метким стрелком. С расстояния двадцати шагов стрелы ложились в дюйме от головы Юла, не причиняя ему вреда.

Когда, наконец, стрела вонзилась в столб, содрав кожу на черепе Юла, тот снова, как ночью, жутко взвыл бешеным шакалом.

– Говори, Юл. Следующая стрела полетит тебе в глаз!

– Я был воином в римском лагере под Вейями!

– И дезертировал?

– Да.

– Я так и знал! Как же тебе удалось получить рекомендацию?

– Этруск из города Цере, который рекомендовал меня тебе, как великолепного актёра-гладиатора, – мой дядя.

– Понятно. Будет мне урок. Нелегальные дела полны сюрпризов!

– Именно, достопочтенный, но хочу сообщить тебе, что я не один. У меня есть сообщники!

– Такие же дезертиры, как ты?

– Да, но без меня они пропадут.

– Хорошо, они будут моими подпольными гладиаторами. Другого выхода я не вижу. Где они?

– О, сенатор, если ты наберёшься терпения, дашь мне сопровождающих, я покажу, где они прячутся. Один из них не годится на роль гладиатора, он трус и предаст тебя. Советую сдать его римским властям. Сдав дезертира, одного из тех, кто едва не погубил Рим, ты отличишься перед сенатом, избавишься от его пристального внимания и сможешь зажить в своём удовольствии.

– Давно мне пора задобрить наших баранов на Капитолийском холме! Каково число твоих сообщников?

– Их трое.

– Не густо. А Клелия, она, чья подстилка, – твоя или кого-то из твоих друзей?

– Нет, Клелия – честная девушка. Она сказала тебе правду. Бандиты, в самом деле, хотят её похитить.

– Какие бандиты?

– Я их не знаю, но они дежурят у её имения, намереваясь захватить её. Можешь выслать своих людей к имению Гнея Клелия Воина, и ты убедишься.

– О Гнее Клелии я слышал много хорошего. Так кто же убил его?

– Марк Гораций Тремор. У него тоже были такие же стрелы.

Я напрягла жилы так, что верёвка, которая притягивала к столбу меня и Юла лопнула. Квит в изумлении воззрился на меня.

Я вскочила на ноги, подскочила к Юлу и дала ему звонкую пощёчину.

– Ты врешь!

Юл в изнеможении, закатив глаза, рухнул ничком на песок, а я разъярённым зверьком повернулась к Квинту. Он, кажется, ошарашено отпрянул от меня, такой я была [...].

[...] в самом деле, выслал своих людей к моему имению, чтобы проверить показания Юла. Скоро слуги вернулись и подтвердили, что какие-то тёмные личности прячутся в засаде у ворот имения и вылавливают любого, кто подъезжает к воротам. Слугам сенатора удалось оторваться от погони только после того, как они сбили из своих луков парочку преследователей.

Квинт милостиво освободил меня, по его указанию служанки отмыли меня добела в бане и чинно, едва ли не как дочь трибуна с консульскими полномочиями, отвели в лучшую спальню наверх, чтобы я могла отдохнуть.

Юла Квинт нарядил в робу раба. После этого он дал ему в качестве сопровождающих двух рыжих здоровяков – своих телохранителей, они, кажется, были близнецами, так были похожи, – и приказал Юлу отвести их к месту, где прячутся его сообщники [...]

[...]

[...] праздничной алой тунике, обрамлённой золотым меандром, весь такой величавый и чрезвычайно обходительный. Я так и не узнала, чего он хотел от меня в тот ужасный вечер.

Не думаю, что сенатор так уж страстно желал моей плоти, хотя кто знает. Квинт Квинций Су ровый был ярким, колоритным, но совершенно непредсказуемым типом.

Я, поджав под себя голые ноги, поскольку была лишь в одной короткой светлой нижней тунике, продолжала сидеть на ложе, упёршись спиной в валик и машинально сжимая в правой руке длинную костяную пилку для ухода за ногтями.

Взор сенатора пылал, но он не успел ничего сказать. Дверь, которую он аккуратно прикрыл за собой, вдруг едва заметно шевельнулась.

– Ах, ты, проклятый Нос! Когда ты, наконец, поймёшь, за кем, в самом деле, надо подглядывать?!

Сенатор грубым рывком распахнул дверь, как видно, намереваясь задать Носу такую взбучку, которую тот должен был, наконец, запомнить на всю оставшуюся жизнь.

Однако в свете масляной лампы проступило лицо вовсе не Носа.

– Юл, ты?

– Я, сенатор.

– А где мои близнецы?

– Я убил их.

Голос Юла был так ровен и спокоен, словно он сообщил сенатору об ожидающейся, судя по приметам, хорошей погоде. Лицо юноши было холодным, как у судьи.

Юл решительно ступил на порог. Сенатор в ужасе отпрянул вглубь спальни, словно один лишь вид юноши толкнул его к стене.

Только теперь мы с сенатором заметили, как странно горят глаза нежданного ночного гостя, словно он объелся человеческого мяса. В руках Юл угрожающе сжал гладиаторский меч, густо облепленный подсохшей тёмной кровью.

Я в великом смятении приподнялась на ложе.

– Юл, ты с ума сошёл!

– Нет, Клелия, молчи лучше, ты не знаешь всего. Сенатор, где стрелы? Верни мне стрелы!

От этих слов Квинт, кажется, вдруг пришёл в себя, и к нему вернулось, наконец, самообладание.

– Засранец, ты смеешь приказывать мне? Я сжёг твои проклятые стрелы и твой проклятый лук!

– Ах, сжёг, вот как! Хорошо.

В следующий миг в свете лампы молнией блеснуло лезвие меча. Клинок погрузился в грудь сенатора так, словно его тело было слеплено из теста.

Сенатор, тяжело охнув, словно ему на плечи свалился тяжёлый валун, рухнул на пол. Юл выдернул клинок из бездыханного тела и, оскалившись, словно молодой голодный волк, повернулся ко мне.

Я вскочила и бросилась вон из спальни, но Юл ловко перехватил меня и швырнул в угол.

– Ты ничего не поняла. Я – тайный агент, понимаешь? Я выполняю задание диктатора Камилла.

– Какое ещё задание? Ты убил человека!

– Если бы я не убил его, он подал бы сигнал, и мятежники сегодня ночью двинулись бы на Рим. Квинт Квинций Суровый – пособник мятежников. Мы с тобой предотвратили мятеж. Хвала Марсу!

– Какой ещё мятеж?

– Пособники царя Ларса устроили здесь опорную базу. Внизу, в подвале хранятся большие запасы оружия, амуниции, медикаментов и продовольствия. Всё подготовлено для выступления заговорщиков и свержения римского сената. Меня внедрили в имение под видом подпольного гладиатора. Однако нам надо убираться отсюда. Если в имение нагрянут сообщники Квинта и обнаружат, что он мёртв, нам не поздоровится. Мне следует сообщить Камиллу о смерти Квинта, чтобы люди Камилла устроили здесь засаду.

– Ты говоришь складно, но ты врёшь, Юл.

– С чего ты так решила, дурочка?

– Не такая дурочка, как ты думаешь. Ты знаешь Марка Горация Тратора?

– Не только знаю, но был свидетелем, как Марк, воспользовавшись неразберихой, которую устроили дезертиры, убил...

– Брось! Ты совсем заврался. Зачем Марку надо было убивать моего отца?

– Неужели сама не понимаешь? Твой отец был против вашего брака. Он прочил тебе в мужья Аппия Корнелия Амбидекстра, ты даже, кажется, с ним целовалась.

Я просто оцепенела от неожиданности и уставилась на Юла изумлённым взглядом.

– О, ужас! Откуда ты знаешь?

– Марк рассказал. Он подсматривал за вами.

– Но почему трофейные стрелы Марка оказались у тебя?

– Он, дурачок, хотел скрыть своё преступление. Трофейные лук и стрелы могли изобличить его, и он подарил лук и чехол мне. Наверное, Марк надеялся, что подозрение падёт на меня, а он останется чистеньким. Он – подлец, Клелия. Не будь дурой, он не стоит твоего внимания. Слышишь меня? Чего застыла?

– Я не верю, что Марк – подлый убийца. Я знаю его много лет, мы росли вместе!

– Он – подлец и не стоит твоего внимания. Он хотел перебежать к этрускам, а ты после этого стала бы его наложницей. Забудь его! Твоя задача сейчас – забыть его, выбросить из головы и начать новую жизнь. Поверь, все твои страхи и переживания после этого улетучатся как дым. Я помогу тебе. У нас есть немного времени, чтобы забыть Марка. Поверь, нам будет хорошо!

– Ты с ума сошёл. Оставь меня!

Юл не слушал. Он решительно шагнул ко мне и ухватил за край туники. Я дикой антилопой рванулась в сторону.

Туника с треском разорвалась надвое, и бронзовая пластинка, которую я продолжала хранить на груди в потайном кармане, поскольку продолжала считать её нашим с Марком талисманом, с глухим стуком упала на деревянный пол спальни.

Юл сразу же отпустил меня. Он живо нагнулся, поднял пластину, и вдруг лицо его озарилось такой радостью, словно он обрёл бессмертие и стал равным богам.

– Не зря, значит, я вернулся. Откуда она у тебя?

– Нос дал, – сказала я, солгав, сама не зная почему.

– Где он её нашёл?

– Где-то на конюшне, кажется. Я не интересовалась. Какая разница?

– Зачем ты тогда хранишь её?

– Нос сказал, что она принесёт мне удачу.

– Ты, в самом деле, глупая девчонка!

Юл вдруг круто повернулся на пятках и сел за столик в углу спальни.

– Свети сюда!

– Почему ты командуешь?

– Потому что я знаю всё или почти всё, а ты ничего не знаешь. Говорю тебе, мы сейчас с тобой раскроем заговор! Ты должна молиться на меня...

Я подкатила бронзовую лампу ближе к столику, она очень удобно передвигалась на колёсиках.

Юл положил пластину на стол так, чтобы была видна её вогнутая сторона.

– Прижми пластину к столу. Да не так. Крепче!

Костяная пилка мешала мне прижимать пластину к поверхности стола. Юл бесцеремонно вырвал пилку из моей руки.

– Дай сюда!

В следующий миг, я не успела глазом моргнуть, как он при помощи кончика пилки ловко нацарапал на вогнутой стороне пластины следующий текст: «IGNIS VESTAE TABUIT».

Я похолодела с головы до пят.

– Какие ужасные слова!

– Молчи лучше! Теперь мы сможем ввести в заблуждение заговорщиков. Поняла?

– Ничего не поняла. Как?

– Я знаю канал связи, который использовал Квинт.

– Откуда?

– Твой Марк сболтнул. Он ещё глупее, чем ты.

– Марк тоже связан с мятежниками?

– А ты думала, что Марк – патриот? Как бы не так! Уверен, что твой отец что-то прознал о его художествах, и твой ненаглядный Марк прикончил его.

– Не говори так. Мне становится очень страшно!

– Теперь ты поняла, из какого болота я тебя вытащил?

Юл поднялся, с насмешкой посмотрел мне прямо в глаза. Его тонкий шрам на щеке вдруг странно побелел.

– Ты с Римом или против него? Решай!

– Конечно, с Римом!

– Тогда иди сюда!

Юл отбросил пилку в сторону, она упала на ложе, и властно привлек меня к себе. Его горячее тело обожгло меня, кажется, до мозга костей.

Я резко оттолкнула Юла от себя.

– Оставь меня! Ты – идиот, если полагаешь, что я вот так вот запросто ложусь с мужчиной.

– Однако я не просто мужчина. Я – твой спаситель!

– Запомни, я не верю в предательство Марка и никогда не поверю. Понял? Пусти!

Я хотела вырваться из неприятных объятий и выскочить вон из ужасной спальни. Юл, в самом деле, был слишком низкого мнения обо мне. Может быть, умом я поверила ему, но сердце отказывалось верить, а своему сердцу я верила больше, чем уму.

Остриё меча вдруг упёрлось мне в низ живота, не давая пройти.

Глаза Юла вспыхнули бешеным огнём.

– Ты будешь умирать долго и мучительно, а я всё равно добьюсь своего. От таких красавиц не отказываются. Ты – моё наслаждение!

– Очень странно, разве насилие может доставлять наслаждение?

– О, ты просто не знаешь! Давай попробуем. Сопrotивляйся!

Остриё меча ещё сильнее двинулось вперёд. Глубоко вмяв тонкую ткань туники в кожу, оно больно укололо меня.

Глаза Юла полыхнули безумием, и я вдруг поняла, что малейшее сопротивление сейчас приведёт к крови, я буду стонать и умирать о боли, а он [...]

[...] поэтому я пошла на хитрость.

– Скинь с себя всю одежду, я посмотрю, хорош ли ты. Юношам свойственно бахвалиться!

– Ах, ты, глупышка. Я тебя не обманываю!

Юл повернулся ко мне вполоборота и скинул с себя тунику. Он, в самом деле, был исполнен [...]

[...] больше ни о чём не думала, и остриё пилки для ногтей погрузилось в шею Юла сбоку. Как хорошо, что в самый последний момент я нащупала её на ложе, которое становилось мне омерзительным до тошноты. Благодарю тебя, Священная змея, ты всегда со мной!

Юл жутко раскрыл рот, словно крупная рептилия, впавшая в агонию. Его взор помутился, но цепкие пальцы так схватили мои голые бедра, что я вскрикнула от острой боли, она буквально парализовала тело.

Изо рта Юла пошли розовые пузыри. В следующий миг он вдруг страшно изогнулся и сбросил меня с себя.

Я кубарем скатилась с ложа, сильно ударилась плечом о стену, в глазах полыхнула вспышка. Кажется, на какое-то время я потеряла сознание.

– Ты всё сделала правильно, о, моя богиня. Я всё видел, и всё знаю.

Лёжа на полу, я открыла глаза и увидела над собой склонившуюся фигуру Носа и его сочувственное лицо. Он подал мне мою алую верхнюю тунику.

– Твоя нагота прекрасна, но будет лучше, если ты прикроешь её.

– Благодарю тебя, Нос, – сказала я, поспешно натягивая тунику на голое тело. – А где Юл?

– Он сбежал. Как злой дух леса, согнулся в три погибели от раны, которую ты ему нанесла, и сбежал.

– Куда он побежал?

– Куда-то в подземелье.

– Как он может куда-то сбежать? Он же без одежды!

– Верно, он сбежал голый, словно только что выскочил из живота мамы.

Нос нёс ещё какие-то глупости, я больше не слушала его. Главное, что моя маленькая женская хитрость удалась.

Юл скинул с себя одежду. Я скинула с себя тунику. Он упал на ложе в предвкушении сласти, потому что я изобразила всё, как надо, – увидела фрески в храме Венеры, – и он поверил.

Жестокий юноша вдруг расслабился в ожидании незабываемого захватывающего приключения, которое ему обещало моё тело, но он получил нестерпимую горечь. Юл так и не понял, кто есть на самом деле Клелия – дочь Гнея Клелия Воина!

Хитрость удалась, я избежала насилия над собой, но теперь я не знала, что делать. Я никак не могла понять, куда мог исчезнуть Юл. Он как сквозь землю провалился!

Слуги спустили тело сенатора во двор. Сильвия выла, как обезумевшая собака.

Я не находила себе места от ужаса и горя. Понятно, что надо было срочно сообщить об убийстве властям, но слуги ходили, как безумные муравьи, оставшиеся без матки. Все мои настоятельные просьбы и отчаянные требования они пропускать мимо ушей.

Вдруг на рассвете явился сенатский глашатай из Рима. Я обрадовалась, что вот, явился человек, который отвезёт весть о гибели сенатора в Рим, но глашатай вёл себя так, словно был глух.

Выглядел он, как добрый глиняный чан с вином, к которому приделали какую-то странную, плохо оформленную голову, она была, как будто кое-как вылеплена из сырого теста.

Тяжело дыша и отдуваясь, постоянно вытирая пот со лба платком, он встал в самый центр двора у фонтана, достал свой медный рупор и возопил страшным голосом:

– Слушай, фамилия Квинта Квинкция Сурового! Я, Тит Колоб, глашатай из Рима, привёз вам самые свежие новости. Первое. Весталка Валерия нарушила обет целомудрия, вступила

в интимную связь с мужчиной и не уследила за Священным огнём Весты. Он погас! Недобрый знак для Рима. Будет суд. Весталке грозит смертная казнь, её замуруют заживо в крепостной стене. Слышите вы, я говорю вам всем: «Огонь Весты погас!»

Гонец, мрачно уставившись на столпившихся вокруг него слуг и рабов, долго повторял одну и ту же фразу «Огонь Весты погас!» Что-то зловещее звенело в его тоне.

Я вдруг подумала о том, что странная фраза, которую Юл нацарапал на пластинке, означала то же самое: «Огонь Весты погас».

Волнуясь, я кинулась в ту самую спальню, где ночью произошло так много страшных событий. К моему великому облегчению пластинка по-прежнему лежала на столике.

Я схватила её и сунула во внутренний карман туники. Сердцем я понимала, что пластинка и начертанная на ней рукой Юла фраза имеет какое-то важное значение.

Я побежала обратно во двор по верхней галерее и вдруг сквозь её своды услышала голос гонца:

– Понятно вам? Огонь Весты погас!

Я изумилась. Неспроста он повторяет одно и то же! Неужели подаёт кому-то знак?

Однако мои мысли прогнала следующая фраза глашатая. Голосом, внезапно сбившимся на фальцет, он сообщил такие известия, от которых на некоторое время я вообще лишилась способности думать.

– Второе! Приговорённый к смертной казни дезертир Марк Гораций Тремор, который был также признан виновным в убийстве римского гражданина Гнея Клелия Воина, скрылся с места приведения приговора в исполнение. Любой, кто видел Марка Горация Тратора, обязан сообщить римскому квестору. Приметы Горация – выше среднего роста, строен, белокур, глаза серые, у ключицы большая родинка...

Я, не чувствуя ног, бросилась вниз, во двор, чтобы успеть подробнее расспросить глашатая о Марке, но к тому моменту, когда я выскочила к фонтану, там никого не оказалось.

– Нос, где гонец?

– Ускакал!

– Как, так быстро?

– У него в списке ещё десять фамилий, которые он обязан оповестить до восхода солнца.

Между прочим, о, моя богиня, он спрашивал о Юле Счастливице.

– Что? В самом деле?

– Да.

– Что ты ему ответил?

– Я сказал, что Юл Счастливик сошёл с ума, сорвал с себя одежду и, круша всё на своём пути, убежал на болото.

– Нос, ты – умница!

В самом деле, Нос оказался на высоте. Интуитивно я понимала, что глашатай не зря повторял фразу, которую нацарапал на пластинке Юл. Тем более, не зря он спрашивал о Юле. Говорить глашатаю правду было рискованно. Если он связан с заговорщиками, тогда [...], а если нет, то, конечно, следовало, но кто мог мне сказать в тот момент, что он за гусь.

Слуги долго ходили так, словно по дому мелькали серые призраки. Затем по команде Сильвии они дружно сели за поминальный завтрак.

Все ели, а Сильвия сидела рядом со столом, как клуша, на каком-то чурбаке и, завывая, как побитая собачонка, повторяла одно и то же:

– Кто же теперь будет нашим новым господином?

Изнемогая от всего пережитого и, кажется, желая смыть с себя грязь неприятных воспоминаний, я окунулась в бассейн и с удовольствием поплавала в голубой прозрачной воде.

Какой же ужас ждал меня после купания! Невозможно представить, но выйдя по ступеням из воды, не успев толком вытереться и накинуть простынь на мокрое тело, я увидела

прямо перед собой хищно ослабившееся лицо того самого плешивого кривоногого мужика с козлиной бородкой, который едва не растерзал меня со своими бандитами на берегу ручья у Дубовой рощи.

Ондохнул мне прямо в нос тяжёлым винным перегаром и заорал, как ненормальный:

– Ты здесь, как видно, освоилась! Где склад с оружием, дура? Веди!

В следующее мгновение сознание вернулось ко мне. Мигом скрутив в жгут влажную простынь, я так огрела страшного до жути мужика по лысой макушке, что он с визгом кинулся прочь, однако из-за колонн перистилия показались остальные бандиты с дубинами в руках. Их было много!

Волосы, кажется, встали у меня дыбом от ужаса. Я узнала их, – мясники с Бычьего рынка, облачённые в бежевые кожаные тужурки римских сапёров!

Словно какая-то сила бросила меня за ближайшую колонну. Рослый бандит бросился наперерез, но, получив мокрой скрученной простынёю по щеке, взвыл и мгновенно отвалил в сторону.

Я вбежала в обеденный зал.

– Слуги! На помощь, есть кто-нибудь?

Тело сенатора по-прежнему покоилось у очага на возвышении, на поминальном столе стояли недоеденные блюда, но ни одной живой души не было видно.

Я оглянулась. Во дворе между колоннами мелькали фигуры бандитов.

В отчаянии я кинулась наверх, заскочила в свою алую спальню, схватила новую алую тунику, отороченную меандром, которую ночью для меня нашёл Нос и напялила её на голое тело.

Сзади послышался свист и голоса. Бандиты переговаривались между собой, видимо, выясняя направление, в котором я побежала.

Мне не оставалось ничего другого, как вылезти на крышу. Карабкаясь по черепице, я поднялась на самый верх. Отсюда было хорошо видно, что имение захвачено бандитами.

Меня снова сковал ужас, – бандитов было очень много, наверное, не менее нескольких сот человек. Просторный двор конюшни был плотно забит лошадьми.

Заметив меня на крыше, головорезы радостно засвистели и стали громко отпускать сальные шутки по поводу моей внешности и умению карабкаться по крышам, высоко задрав подол.

Я в изнеможении прижалась к главной трубе дымохода, старательно выложенной отшлифованными кусками шершавого серого камня. В ушах бешеным пульсом билось лишь одно решение. Если бандиты приблизятся ко мне, брошусь с крыши вниз на каменные плиты двора и разобьюсь, но не стану их добычей.

Вдруг кто-то тронул меня за руку, которой я обхватила угол трубы. Повернув голову вправо, я увидела знакомое носатое лицо и смеющиеся глаза. Нос тоже прятался за трубой.

– Нос, мы погибли!

– О, нет, моя богиня, Нос спасёт тебя. Лезь за мной!

Снаружи и внутри трубы, оказывается, имелись скобы для трубочиста. Нос влез в трубу первым, я – за ним.

Моя новая алая туника мгновенно стала чёрной, я задыхалась от сажи, но всё-таки сумела спуститься вслед за Носом к зеву очага, возле которого по-прежнему покоилось пожелтевшее бездыханное тело Квинта, однако Нос полез ещё ниже, там также был оборудован камин для обогрева подсобных помещений.

Вверху раздавались хриплые бандитские крики, они отдавались пугающим эхом в тёмном квадрате трубы, но кроме эха нам ничто не мешало, поэтому очень скоро мы благополучно спустились вниз, вылезли из зева очага и оказались в мрачном подземелье.

– Куда теперь, Нос? Они всё равно нас найдут.

Сверху из трубы густым потоком посыпалась сажа. Похоже, бандиты полезли в трубу вслед за нами. Скоро они будут здесь, и о том, что будет тогда, мне было страшно даже подумать!

– Сюда!

Мы с Носом настороженно обернулись на голос. В дальнем проёме стояла девичья тень. Кто она, друг или враг?

– Моя госпожа не узнала Глорию? Сюда, идите сюда, я вас выведу отсюда!

Только теперь я узнала несчастную дочь поварихи Сильвии и покойного сенатора. Глория повела нас по лабиринтам, я вдруг почувствовала тошнотворный запах фекалий и сразу узнала подземный коридор. Здесь неделю назад странный сенатор держал меня в тесной закрытой камере без окон с одной лишь маленькой низкой дверью. Как я страдала тогда от отвратительных резких запахов, разносившихся из квадратного проёма канализационного колодца, который не был прикрыт крышкой.

Каково же было моё состояние, когда я поняла, что именно в канализационный колодец предлагает лезть Глория!

– О, нет, милая Глория, я ни за что на свете туда не полезу. Давай лучше поищем другой выход!

– Другого выхода отсюда нет, моя госпожа. Ты спасла меня, а я спасу тебя. Знай, там внизу – коллектор для стока фильтрованной воды, она не такая грязная, поверь! Запах только здесь, потому что он идёт снизу, – там отстойники фекалий, но мы полезем не туда.

– А куда мы, интересно, полезем?

– Мы спустимся по скобам, вбитым в камни, до желоба, по которому тихонько течёт очищенная после отстоя вода.

– Откуда ты всё знаешь?

– Я следила по ночам.

– За кем?

– За Юлом Счастливым...

Я просто опешила от такой новости, у меня в голове зароились вопросы, но дальше разговаривать было некогда, хотя мне очень хотелось узнать, почему и зачем Глория следила за Юлом, которого я теперь мысленно с удовольствием называла не Счастливым, а Проклятым.

Сзади раздался шум, и послышались грубые мужские голоса. Кто-то, похоже, выбрался из очага в подземелье. Бандиты были рядом!

Глория сложила руки на груди, словно верная весталка перед Священным огнём в храме богини Весты.

– Быстрее, моя госпожа, умоляю!

Бандиты, дико крича, рыскали по мрачному лабиринту подземелья, который был довольно замысловат, и они не сразу сообразили, в какой стороне мы находимся.

Благодаря Глории мы быстро вышли к колодцу канализации. Сама бы я, наверное, никогда не нашла бы его.

Вдруг моё внимание привлёк тусклый блеск. Я никак не могла понять, что может так блестеть в тусклом подземелье?

– Смотри, Глория, что там?

– Где, госпожа?

– Вон там, дальше по коридору!

– О, там большая подземная комната – склад металлолома.

– Нет, девочка, металлолом не может так блестеть. Так блестит лезвие оружия!

Сильно пригибаясь, иначе было не пройти, я бросилась по узкому проходу и скоро, в самом деле, вышла в довольно просторное помещение, сплошь обставленное металличе-

скими полками, на них, в самом деле, валялся какой-то строительный хлам, но сквозь него явственно проступал блеск благородного металла!

Сдвинув кое-как какие-то доски, я с изумлением обнаружила разнообразное оружие, доспехи принципов и триариев, сапёрную амуницию, сухое продовольствие, перевязочные материалы и что-то ещё, у меня не было времени дальше рассматривать.

Я схватила пару дротииков, сапёрную масляную лампу с приспособлением для её розжига, сухой походный паёк, такие пайки домовладельцы готовят своим пастухам или отправляют по системе государственных закупок в армию. Я много чего ещё хотела взять, но сзади совсем близко раздался грозный тяжёлый топот многочисленных мужских ботинок. Озноб пробежал по коже, я выскочила обратно к колодцу и сунула Носу в руки лампу и сухой паёк.

В следующий миг грозный бас заставил нас вздрогнуть от ужаса.

– Ах, вот вы где, курочки. Идите сюда, милые!

Из тёмного проёма к нам выскочили две плотные бородатые фигуры. Их зверские лица, несмотря на ласковый тон голосов, не предвещали нам ничего хорошего.

В отчаянии я, один за другим, метнула два дротика. Мой дорогой отец был бы доволен. Его уроки, как видно, прошли не зря.

Жала дротиков, острые и длинные, словно необычайно огромные иглы портного, один за другим глубоко погрузились в незащищённое горло каждого из бандитов. Раздался дикий хрип, мы в ужасе кинулись [...]

[...]

[...] в темноте. Как ей удавалось, я до сих пор не могу понять!

– Так ты следила за Юлом по ночам?

– О, моя госпожа, не только следила, но точно знаю, куда он скрылся. Сейчас покажу!

Мы довольно долго шли по узкому подземному коридору с высоким сводом. Стены коридора и своды были выложены камнем, а по наклонному каменному жёлобу, тихо журча, медленно текла вода.

Глория сказала, что мы следуем по сточному коллектору, он идёт под землёй от имения Квинта к берегу ручья, впадающего в Тибр. Юл неоднократно спускался в него, но зачем, она не знает. Этой ночью, он тихо воя и согнувшись в три погибели, снова проследовал сюда.

Наконец, мы вышли из коллектора и оказались у невысокого каменного бордюра, окаймлявшего небольшой овальный пруд, выложенный грубыми булыжниками. Дно пруда в самом его центре было сплошь покрыто жирным чёрным илом, а прозрачная вода стекала в ручей по жёлобу, густо заросшему сочной зелёной осокой.

Я сразу узнала местность. Вот, слева от пруда, стоит тот самый приземистый дуб, по ветвям которого я выбралась на обрывистый берег ручья и ускользнула от преследовавших меня бандитов.

Между прочим, другого способа выбраться отсюда, в самом деле, не было, поскольку повсюду рос терновник и ещё какие-то противные колючки. Непроходимые колючие заросли на несколько десятков шагов уходили к высокой скале, на которой рос другой дуб. В прошлый раз я заметила в его стволе стрелу с красно-белым оперением, в этот раз никаких стрел в стволе дуба не было.

– Куда ты завела нас, Глория? Отсюда лишь одна дорога, – вплавь через ручей.

– Наверное, Юл переплыл его.

Мы перебрались через ручей, прошли немного вдоль него, миновали густо поросший жимолостью косогор и вышли на вершину пологого холма. Отсюда нам открылся вид на рощи, поля и дорогу, изящно петлявшую между ними. Вдали в белёсой дымке проступали белые прямоугольные строения с алой черепичной крышей, – это было моё имение!

Странное чувство, – тоска, смешанная с какой-то задумчивой и печальной радостью, – вдруг властно охватило меня. Мне очень, до сосания под ложечкой, захотелось побывать дома, но я поспешно отогнала от себя глупую мысль.

В ложбине между полями показалось облако пыли. Там ехала какая-то повозка.

В следующий миг я различила сквозь пыль огромного белоснежного вола и пышную фигуру матёрой женщины, она восседала на высокой четырёхколёсной повозке, до отказа забитой клетками с живностью. В женщине я узнала нашу торговку Приму Фаустулу, она дважды в месяц скупала у нас гусей, уток и кур для продажи в розницу на римском форуме.

Счастливая мысль внезапно озарила меня. Я, как на крыльях, стремительно полетела с косогора.

Не без труда догнав повозку, я убедилась, что торговка, в самом деле, везёт домашнюю птицу на форум в Рим. Остановив, наконец, повозку, я, откашлявшись от пыли, попросила Фаустулу срочно передать римскому эдилу, что сенатор Квинт Квинкций Суровый убит в своём имении заговорщиками.

Кроме того, на складах его имения хранится оружие, подготовленное для вооружённого мятежа в пользу царя Ларса. Священный огонь в храме Весты погашен, судя по всему, по плану заговора и является сигналом к восстанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.